

UDK 811.16'367.7

Виктория Печникова (Victoria Pechnikova | Viktorija Pečnikova)

НИУ ВШЭ (HSE University | Univerza VŠE)

vikapechnikova@yandex.ru

Татьяна Резникова (Tatiana Reznikova | Tat'jana Reznikova)

НИУ ВШЭ (HSE University | Univerza VŠE)

tanja.reznikova@gmail.com

ЧИСТАЯ ТИПОЛОГИЯ: О ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ЧИСТОТЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

В статье на материале славянских языков представлен корпусный анализ прилагательных, описывающих физический признак 'чистый', а также смежные с ним ситуации 'прозрачный' и 'ясный (о небе)'. Славянские данные рассматриваются в более широкой типологической перспективе, что позволяет оценить уровень разнообразия славянских систем в поле 'чистый'. Хотя в исследованиях, посвященных внутригенетической типологии лексики, обычно отмечаются значительные различия между родственными языками, славянские системы в зоне 'чистый' характеризуются относительной однородностью. Тем не менее специфические черты, проявляющиеся в отдельных системах, дают наглядное представление о механизмах лексического расхождения генетически близких языков.

Ключевые слова: лексическая типология, фреймовый подход, славянские языки, семантика чистоты

Based on the material from Slavic languages, the article presents a corpus analysis of adjectives describing the physical quality of “being clean or pure,” as well as the related situations of “being transparent/ clear” (as regards the sky). Slavic data are viewed from a broader typological perspective, which makes it possible to assess the degree of diversity within the Slavic systems. Although existing studies on the intragenetic typology of lexicon reveal significant differences between related languages, Slavic systems in the 'clean/pure' domain are rather similar. Nevertheless, the specific features of individual systems allow us to define the mechanisms that result in lexical divergence of related languages.

Keywords: lexical typology, frame approach, Slavic languages, semantics of being pure/clean

1 Введение

Изучением лексических систем различных языков мира и выявлением типологических закономерностей внутри этих систем занимается сравнительно молодая область лингвистических исследований – лексическая типология (см. обзор Kortjevskaĵa-Tamm et al. 2015). На фоне типологий, касающихся других уровней языковой системы, анализ лексических единиц обнаруживает ряд специфических черт.

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке РФФИ, грант 20-012-00240.

В частности, изучение различных семантических зон показало, что в случае лексики типологическая выборка может включать в себя близкородственные языки. Как известно, более “традиционная” – грамматическая – типология таких выборок избегает, поскольку предполагается, что генетически близкие языки – как раз в силу общего происхождения – обнаружат существенное сходство, и тем самым едва ли дадут представление о разнообразии типов, встречающихся в языках мира для того или иного фрагмента грамматической системы. Напротив, на лексическом уровне родственные языки, как оказалось, существенно расходятся (см., например, Рахилина, Прокофьева 2004; Majid et al. 2007), так что внутри одной языковой семьи можно обнаружить все разновидности систем, засвидетельствованные в широкой типологической перспективе (см. Кашкин 2013; Kortjevskaja-Tamm in press).

Таким образом, сам факт внутригенетических расхождений между лексическими системами уже хорошо известен типологам. Между тем, гораздо меньше изучены детали этих расхождений, а именно:

- выделяются ли внутри одной генетической группы лексически более далекие друг от друга и, наоборот, более сходные языки, т.е. можно ли говорить не просто о существовании расхождений между родственными языками, а о разной степени этих расхождений. С одной стороны, можно ожидать, что языки, связанные более тесным родством, обнаружат меньше расхождений. С другой стороны, лексика – по-видимому, больше, чем грамматика – подвержена контактному влиянию, так что степень сходства систем может определяться не только генетическими, но и ареальными или социокультурными факторами.
- выделяются ли по данным родственных языков семантические поля с большим или меньшим уровнем различий. В этом случае мы тоже предполагаем, что расхождения между фрагментами лексических систем могут проявляться в разной степени, но уже не за счет близости или дальности языков, а как следствие различий между самими фрагментами. Действительно, как известно из сравнительно-исторических исследований, определенные слои лексики диахронически более устойчивы (ср., в частности, список Сводеша). Соответственно, можно ожидать, что для одних – более стабильных – зон степень лексических расхождений будет ниже, чем для других.

Чтобы строить какие-либо обобщения в этой связи, необходимо проанализировать устройство по крайней мере 5–6 различных семантических зон на материале нескольких групп родственных языков. В решении этой широкомасштабной задачи пока сделаны только первые шаги, см. сопоставительный анализ 4 полей (цветообозначений, наименований частей тела, контейнеров и пространственных отношений) на материале германских языков в (Majid et al. 2015), а также исследование признаков фактуры поверхности в уральских (Кашкин 2013) и температурных прилагательных в славянских языках (Kortjevskaja-Tamm in press). Настоящая статья представляет еще один фрагмент семантического пространства по данным родственных языков: речь пойдет о поле ‘чистый’ на славянском материале.

Семантическая зона 'чистый' уже не раз попадала в фокус сопоставительных лексических исследований – как в контрастивном или диахроническом ключе (ср. сравнение русских и английских прилагательных, относящихся к полям 'чистый' и 'грязный', в Сергиенко 2006 или историко-этимологический анализ концепта “чистоты” в английском и немецком языках в Дронова, Готлан 2013), так и в собственно типологической перспективе (ср. описание общей структуры поля по данным 5 языков в Архангельский и др. 2011). Наше исследование (Печникова 2017) стало продолжением типологической линии изучения зон 'чистый' и 'грязный'. Включив в рассмотрение данные 8 новых языков (в том числе таких генетически и ареально разнородных, как корейский, финский и грузинский), мы существенно дополнили и уточнили наблюдения, сделанные в (Архангельский и др. 2011). Типологический фон, которым мы в результате располагаем, позволит нам оценить степень разнообразия славянских систем: мы сможем не просто идентифицировать большие или меньшие расхождения между отдельными парами языков внутри группы, но и понять, отражают ли эти расхождения весь спектр потенциальных различий между языками, или же на общем фоне внутриславянские различия оказываются скорее периферийными.

Таким образом, обсуждение поля 'чистый' мы начнем с его общетипологической характеристики (раздел 2). Далее (в разделах 3-5) мы последовательно рассмотрим стратегии его лексикализации в трех подгруппах славянских языков. Материалом для нашего анализа послужат преимущественно корпусные данные (параллельные корпуса в составе НКРЯ и веб-корпуса семейства TenTen на платформе Sketch Engine). Наконец, в Заключении мы проанализируем уровень различий между славянскими системами как в сопоставлении друг с другом, так и в широкой типологической перспективе.

2 Общая типология поля: структура и стратегии лексикализации

Наш анализ поля 'чистый' опирается на фреймовый подход к лексико-типологическим исследованиям: в качестве базы для сравнения систем разных языков мы используем фреймы – прототипические для данной зоны ситуации, которые могут выделяться лексическими средствами в том или ином языке (подробнее см. Рахилина, Резникова 2013).

Структуру поля 'чистый' образуют четыре фрейма. Общей для них является идея отсутствия на поверхности объекта или внутри него некоторых сущностей (ср. понятие каритивного признака в Толстая 2008). Два центральных фрейма противопоставлены по типу этих сущностей: отсутствовать могут, во-первых, грязь, пятна, мусор (ср. 'чистая одежда/комната') и, во-вторых, примеси или добавления (ср. 'чистое золото').

Два других фрейма выделяются по типу самого объекта – носителя признака. Так, особыми лексическими средствами обычно описывается чистота объектов, сквозь которые могут быть видны другие объекты (ср. вода, стекло и др.). Такая

чистота подразумевает прозрачность объекта. Еще один особый тип 'чистых' объектов представляет небо: его чистота обозначает отсутствие туч и облаков.

Рассмотрим, как четыре выделенных фрейма – 'отсутствие грязи', 'отсутствие примесей', 'прозрачность' и 'безоблачность' – распределяются между лексическими единицами в ранее изученных языках. Общим для всех исследованных систем является функционирование в «прозрачной» зоне специальных лексем, указывающих на хорошую видимость сквозь объект (ср. англ. *clear*, финск. *kirkas*). Вместе с тем допустимыми для этой подзоны всегда оказываются и ядерные лексемы поля, покрывающие фрейм «отсутствие грязи» (ср. англ. *clean*, финск. *puhdas*). Сходным оказывается и лексическое кодирование фрейма 'безоблачность': с одной стороны, имеются особые средства его лексификации, с другой – здесь зачастую тоже возможно употребление ядерных лексем с семантикой 'отсутствие грязи'.

Различия между системами касаются прежде всего кодирования двух центральных фреймов поля: отсутствия грязи и отсутствия примесей. В нашей выборке языки делятся примерно поровну между системами, которые колексифицируют две ситуации (как русский, финский или грузинский), и теми, которые выражают два типа чистоты посредством разных лексем (как английский, итальянский или корейский). Расхождения могут затрагивать и периферию: выделяются, с одной стороны, системы, в которых специальная лексема для фрейма 'прозрачность' является основной и для 'безоблачности' (ср. *kirkas* в финском), с другой – те, в которых каждый из периферийных фреймов обслуживается отдельным словом (ср. *прозрачный* vs. *ясный* в русском).

Типологические различия в стратегиях лексикализации поля 'чистый' отражены – в несколько упрощенном виде – на семантических картах (Рис. 1-4, о семантическом картировании см., например, Georgakopoulos, Polis 2018).

Рисунок 1: Семантическое поле 'чистый' в русском языке

Рисунок 2: Семантическое поле 'чистый' в английском языке

Рисунок 3: Семантическое поле 'чистый' в финском языке

Рисунок 4: Семантическое поле 'чистый' в корейском языке

Итак, очертив круг типологических возможностей для поля 'чистый', обратимся к данным славянских языков и обсудим, насколько этот материал разнообразен с учетом общих принципов лексикализации рассматриваемой зоны.

3 Восточнославянские языки

Восточнославянские языки не обнаруживают каких-либо различий в структуре семантического поля 'чистый'. Системы украинского и белорусского языков полностью повторяют уже приведенную выше модель лексикализации, характерную для русского (см. Рис. 1) и, более того, реализуют ее посредством когнатов соответствующих русских слов. Во всех трех языках функционирует одна доминантная лексема, способная описывать 4 фрейма поля (ср. русск. *чистый*, украинск. *чистий*, белорусск. *чысты*). Кроме того, фрейм, указывающий на хорошую видимость сквозь объект, задействует еще и специализированную лексему (русск. *прозрачный*, украинск. *прозорий*, белорусск. *празрысты*). Лексически выделяется и фрейм 'безоблачность' (русск. *ясный*, украинск. *ясний*, белорусск. *ясны*).

Такая идентичность систем близкородственных языков неудивительна с точки зрения традиционной – грамматической – типологии, но менее ожидаема в области лексики. Действительно, лексико-типологические исследования, ранее привлекавшие материал сразу нескольких восточнославянских языков, демонстрировали отличия русского от украинского и белорусского (см. о предикатах боли в Брицын и др. (ред.) 2009, о температурных прилагательных в Kortjevskaja-Tamm in press). По-видимому, причина описанного нами сходства кроется в особенностях самого поля 'чистый', однако прежде чем пытаться обнаружить эти особенности, необходимо проверить по языкам других генетических групп, действительно ли наше поле будет регулярно проявлять меньшую вариативность в стратегиях лексикализации.²

4 Южнославянские языки

В качестве материала для анализа мы использовали данные трех южнославянских языков: словенского, хорватского и болгарского. В этих системах, как и в восточнославянских языках, все фреймы поля могут выражаться доминантным прилагательным, которое к тому же является когнатом соответствующей восточнославянской лексемы (ср. словенск./хорватск. *čist*, болгарск. *чист*).

Сходна с восточнославянскими и стратегия лексикализации для подзоны 'безоблачность': здесь она тоже выделяется специальными лексическими средствами. Правда, в этом случае южнославянские системы используют не один, а два различных корня: один из них совпадает с восточнославянским коррелятом (словенск. *jasen*, хорватск. *jasan*, болгарск. *ясен*), а второй в современных восточнославянских языках в интересующей нас зоне не функционирует (словенск. *veder*, хорватск. *vedar*, болгарск. *ведър*).

² Заметим, однако, что совпадение систем наблюдается только на уровне прямых значений лексем поля. В сфере переносных употреблений уже намечаются отдельные расхождения, ср. значение 'прозрачный (о взгляде)' у белорусского *празрысты*, отсутствующее у его русского и украинского когнатов.

Оба корня в исходном значении отсылают к ситуации безоблачного неба, и оба развивают переносные употребления, но круг этих употреблений у двух корней различается, ср. идею доступности для восприятия / понимания в случае *jasen* и его когнатов (словенск./хорватск. *jasni obrisi* 'ясные очертания', болгарск. *ясен отговор* 'ясный ответ') vs. свойство человека для *veder* и его когнатов (словенск. *veder značaj* 'веселый характер', хорватск. *vedra osoba* 'веселый человек', болгарск. *ведро настроение* 'веселое настроение').

Если в зоне переносных употреблений две лексемы не синонимичны, то в системе прямых значений они семантически очень близки – а точные синонимы редко удерживаются в языке. По данным родственных языков хорошо видно, как подобная синонимия «устраняется» в диахронической перспективе: одно из прилагательных может «вытеснить» другое, полностью сместив его в зону производных употреблений. При этом в нашем материале языки «делают выбор» в пользу разных единиц.

В словенском и болгарском безоблачность преимущественно описывается, соответственно, лексемами *jasen* и *ясен*, тогда как *veder* и *ведър* сохраняются в этом значении главным образом в составе устойчивых оборотов (ср. словенск. *pod vedrim nebom*). В хорватском, напротив, «побеждает» *vedar*, а *jasan* практически уходит из зоны своего исходного – прямого – значения и закрепляется за семантически производными употреблениями.

Итак, южнославянские языки различаются тем, какой лексемой в них обычно описывается безоблачность. Тем не менее с точки зрения структуры поля эти различия несущественны: в общетипологической перспективе значимо лишь то, что все три языка используют некоторую специальную лексему, чтобы выделить ситуацию 'безоблачного неба'. Иными словами, на структурном уровне стратегия лексикализации нашего поля в южнославянских пока что не отличается от того, что мы наблюдали в восточнославянских языках.

Однако структурные различия появляются во фрейме 'прозрачность'. Здесь в трех рассмотренных языках лексически выделяется определенный тип прозрачных объектов – жидкости. Для них предпочтительным, как правило, оказывается прилагательное с корнем *bystr-* (ср. словенск. *bister*, хорватск. *bistar*, болгарск. *бистър*). В остальных случаях идея видимости сквозь объект выражается когнатом соответствующих восточнославянских лексем (ср. словенск. *prozoren*, хорватск. *proziran*, болгарск. *прозрачен*).

Интересна история развития этого дополнительного лексического противопоставления. По всей вероятности, оно возникает за счет семантического сдвига лексем с корнем *bystr-*. В восточно- и западнославянских языках этот корень связан с идеей высокой скорости (ср. русск. *быстрый*, польск. *bystry* и др.). Данные южнославянских языков показывают, как семантика скорости могла трансформироваться, казалось бы, в далекое от нее значение прозрачности.

Наиболее частотными коллокатами рассматриваемых слов являются существительные, обозначающие природные потоки воды, ср. 'река', 'ручей', 'источник'. Для этого класса объектов высокая скорость и прозрачность оказываются смежными признаками: действительно, в быстрых реках вода обычно чистая. Развивая значение 'прозрачный' за счет объектов типа 'река', лексемы с корнем *bystr-* далее распространяются на жидкие массы, не подразумевающие перемещения и тем самым исключая идею скорости. Среди таких масс встречаются как природные объекты (ср. болгарск. *bistpo езеро* 'прозрачное озеро'), так и артефакты, в том числе еда и напитки (ср. словенск. *bistra juha* 'прозрачный суп (бульон)', хорватск. *bistri sok* 'прозрачный сок', болгарск. *bistър разтвор* 'прозрачный раствор').

В результате «активного внедрения» в зону 'прозрачности' лексем с корнем *bystr-* сфера покрытия прилагательных ряда *prozoren* закрепляется преимущественно за твердыми веществами и изготовленными из них артефактами, ср. словенск. *steklo* 'стекло', *vrečka* 'пакет', хорватск. *boca* 'бутылка', *tkanina* 'ткань', болгарск. *рокля* 'платье', *слой* 'слой'. Обратим внимание, что 'прозрачность' таких объектов подразумевает несколько иное свойство, чем в случае реки или сока. Для водных масс речь идет о том, что в объекте отсутствуют какие-либо сущности, которые препятствуют его прозрачности (например, в реке нет песка, в соке – мякоти). Твердым же объектам приписываются особые световые характеристики – физическая способность пропускать свет. Именно это различие и лежит в основе противопоставления южнославянских лексем типа словенских *bister* и *prozoren*.

Таким образом, мы можем уточнить введенное выше разграничение двух типов контекстов. Мы говорили, что слова с корнем *bystr-* выступают с наименованиями жидкостей. На самом деле значима здесь именно идея отсутствия замутняющих субстанций – а эта семантика релевантна прежде всего для жидкостей. Тем не менее жидкости могут характеризоваться и с точки зрения своих световых свойств – однако в этом случае в роли определяемых выступают другие типы жидкостей, ср. словенск./хорватск. *gel*, болгарск. *лак*. Действительно, называя гель или лак 'прозрачным', мы обычно имеем в виду не отсутствие в них каких-либо дополнительных веществ, а их определенную физическую характеристику, стоящую в одном ряду с цветом или консистенцией. Закономерно тем самым, что существительные 'гель' и 'лак' во всех трех языках, судя по данным корпусов, могут определяться только лексемой ряда *prozoren*. Напротив, упоминавшиеся выше жидкости или водные массы – 'река', 'озеро', 'суп' – сочетаются почти исключительно с *bister* и его когнатами.

Но есть и такие наименования жидкостей, которые могут почти в равной степени сочетаться с обоими прилагательными. Так ведет себя гипероним 'жидкость' – в частности, для словенского существительного *tekočina* в корпусе зафиксировано 146 сочетаний с *prozoren* и 94 с *bister*. Дело в том, что общее понятие 'жидкость' может задавать два разных типа прозрачности – для каждого из них выбирается соответствующее прилагательное, ср.:

(1) *Voda je naravna prozorna tekočina brez barve, vonja in okusa.*

'Вода – это натуральная прозрачная жидкость без цвета, запаха и вкуса'.

(2) *Po kakšnih treh mesecih se na dnu te "dobrote" naredi usedlina, to lahko popijemo sami, lahko pa vse skupaj premešamo in vlijemo v steklenice. Jaz uporabljam izključno samo bistro tekočino, ker polnim v stekleničke.*

'Примерно через три месяца на дне этого «добра» оседает осадок, можно пить это так, а можно все смешать и разлить по бутылкам. Я использую только самую прозрачную жидкость, потому что разливаю ее по (маленьким) бутылочкам'.

В (1) речь идет о физической способности жидкости пропускать свет, это свойство обсуждается в ряду других физических характеристик – цвета, запаха, вкуса, так что вполне предсказуемо употребление прилагательного *prozoren*. В (2) прозрачная жидкость эксплицитно противопоставляется жидкости с осадком, т.е. под прозрачностью понимается отсутствие дополнительных веществ, – что полностью согласуется с нашим описанием контекстов с *bister*.

Вообще говоря, только прозрачность, описываемая лексемой *bister* и ее когнатами, непосредственно связана с семантикой чистоты. Напротив, сочетания типа 'прозрачное платье' или 'тарелка из прозрачного стекла', которые попадают в «сферу покрытия» слов ряда *prozoren*, ничего не сообщают о степени загрязненности характеризуемых объектов. И тем не менее в восточнославянских языках обе ситуации охватывает одно прилагательное, что свидетельствует об их когнитивной смежности.

Еще одно подтверждение этой смежности обнаруживается в хорватском языке. Здесь *bistar*, описывая преимущественно – подобно своим южнославянским когнатам – прозрачность рек и прочих жидких масс, начинает расширять свою сочетаемость за счет отдельных твердых объектов, в частности стекла, ср. *nova prednja svjetla od bistrog stakla* 'новые фары из прозрачного стекла'. Правда, доля подобных употреблений крайне мала, но сама допустимость таких сочетаний уже говорит о возможности семантического перехода от одного типа прозрачности к другому, т.е. опять же об их смежности.

Итак, основные структурные особенности южнославянских языков в поле 'чистый' совпадают со свойствами восточнославянских систем. Единственное отличие касается фрейма 'прозрачность': словенский, болгарский и – по крайней мере пока – хорватский дополнительно противопоставляют в этой подзоне две ситуации: отсутствие замутняющих веществ и способность пропускать свет.

5 Западнославянские языки

Материалом для анализа нам послужили данные трех западнославянских языков: польского, чешского и словацкого. На первый взгляд системы этих языков в значительной степени повторяют модель, характерную для других славянских

языков. В частности, все фреймы поля могут описываться одним прилагательным – когнатом доминантных лексем уже рассмотренных групп, ср. польск. *czysty*, чешск./словацк. *čistý*. Кроме того, имеется лексема, специализирующаяся на фрейме 'безоблачность' – синонимичные ей когнаты мы тоже уже встречали в восточнославянских и некоторых южнославянских языках, ср. польск. *jasny*, чешск./словацк. *jasný*.

Организация фрейма 'прозрачность' сходна с той, которую мы только что обсуждали на материале южнославянских языков. Здесь тоже – по крайней мере в чешском и словацком – лексически противопоставленными оказываются способность пропускать свет и отсутствие замутняющих веществ. Только лексическое выражение этой оппозиции в данном случае несколько иное. В южнославянских прилагательному, образованному от глагола зрительного восприятия (ср. словенск. *prozoren* и его когнаты) противостояла признаковая лексема, пришедшая из другого семантического поля (словенск. *bister* и его когнаты). Здесь же оба противопоставленных элемента являются дериватами от глаголов визуальной перцепции: в чешском и словацком это прилагательные, образованные по одной модели от разных глагольных корней (ср. чешск. *průzračný* vs. *průhledný*, словацк. *priezračný* vs. *priehľadný*), в польском – дериваты от разных вариантов одного корня (ср. *przejrzysty* vs. *przezroczysty*).

Любопытно при этом, что когнаты южнославянских лексем, относящихся к светопрозрачности (т.е. прилагательных типа словенского *prozoren*), в чешском и словацком (соответственно, *průzračný* и *priezračný*) покрывают противоположную часть зоны – отсутствие замутненности. Эта семантика отчетливо видна по их сочетаемости: они выступают главным образом с наименованиями водоемов. В свою очередь, способность пропускать свет выражается производными от другого корня (чешск. *průhledný*, словацк. *priehľadný*) – их коллокации сходны с набором, который мы наблюдали у южнославянских лексем ряда *prozoren*, ср. чешск. *sáček* 'пакет', *lak* 'лак', словацк. *vrstva* 'слой', *košíelka* 'сорочка'. В польском оппозиция лексем *przejrzysty* и *przezroczysty* устроена чуть сложнее: многие существительные могут характеризоваться обоими признаками, ср. сочетания *przejrzysta / przezroczysta woda*, *przejrzysty / przezroczysty tiul*, причем сочетания с разными прилагательными выступают в близких контекстах.

По-видимому, подобная вариативность отражает переходное состояние системы. И тем не менее пока что основные тенденции польского распределения в этой зоне сходны с тем, что мы наблюдали для чешского и словацкого: в сочетании с водными массами чаще используется *przejrzysty*, с твердыми объектами – *przezroczysty*, ср. данные о сочетаемости по Sketch Engine: для *morze* 'море' – 134 контекста с *przejrzysty*, 36 – с *przezroczysty*, *jezero* 'озеро' – соответственно, 95 к 8, напротив, для *bluzka* 'блузка' – 8 к 107, *okienko* 'окошко' – 11 к 140.

Итак, до сих пор западнославянские системы по существу не отклонялись от общеславянского «канона»: здесь имеется доминантное прилагательное,

покрывающее все поле, и специальные лексемы для периферийных фреймов – 'безоблачности' и 'прозрачности', причем зона 'прозрачного' здесь, как и в южнославянских, лексически разделяется на две части. Однако свойства западнославянских систем не исчерпываются этим описанием. Их основная специфика связана с одним из центральных фреймов – 'отсутствие примесей'.

В этом фрейме в польском наряду с доминантой *czysty* используется еще одна лексема – *szczery*, ср. *szczere złoto / srebro* 'чистое золото/серебро'. Правда, во-первых, сочетаемость *szczery* в этом значении ограничена наименованиями металлов, а во-вторых, эти конструкции уступают по частотности сочетаниям с *czysty*, ср. для *złoto* 1291 коллокация с *szczery* против 1999 с *czysty*, для *srebro* разница еще более разительная – соответственно, 63 и 996. Синхронно основная область функционирования *szczery* – это нефизические употребления, описывающие искренность эмоциональных реакций, в том числе вербальных ('удивление', 'улыбка', 'сострадание' и др.). По-видимому, семантика искренности является производной от идеи беспримесности: 'чистое золото' интерпретируется как настоящее, а в применении к эмоциям подлинность как раз и означает искренность. Об исходности идеи 'беспримесности' свидетельствует и этимология слова, см. у М. Фасмера о связи *szczery* с лексемами, восходящими к прагерманскому **skeira-*, ср. нем. *schier* 'несмешанный, чистый'.

Если 'беспримесность' первична, то данные о сочетаемости слова *szczery* говорят о том, что оно постепенно вытесняется прилагательным *czysty* в область переносных употреблений, и тем самым польская система в зоне 'чистый' окончательно перестраивается из дистрибутивной, которой, возможно, она когда-то была, в доминантную.

Интересная параллель к этому процессу обнаруживается в украинском языке. Здесь имеется когнат польского *szczery* – прилагательное *щирий*. Однако эта лексема употребляется почти исключительно в нефизическом значении 'искренний, настоящий', ср. ее коллокаты *інтерес* 'интерес', *сміх* 'смех', *патріот* 'патриот' и др. Таким образом, украинский материал отражает следующий этап той эволюции, которую мы наметили применительно к польскому: система полностью перешла в статус доминантной, а *щирий* окончательно сместился в область переносных употреблений.³

Вернемся, однако, к западнославянским языкам. Чешская и словацкая системы тоже задействуют когнат польского *szczery* – соответственно, прилагательные *čirý* и *čiry*. Можно было бы ожидать, что они либо относятся к зоне 'отсутствие примесей', либо ушли из нее, подобно украинскому когнату, в метафорические контексты. Между тем оказывается, что *čirý / čiry*, не выражая идею отсутствия примесей, тем не менее продолжают употребляться для описания физических ситуаций, а именно – прозрачности объектов, ср. чешск. *čiré* / словацк. *čire sklo*

³ Отметим, что аналоги этого прилагательного встречаются и в других восточнославянских языках, ср. русск. рег. *щирый*, белорусск. *шчыры*.

'прозрачное стекло'. Иными словами, вместо ожидаемого фрейма 'отсутствие примесей' лексемы *čirý / čiry* покрывают фрагмент другого фрейма – 'прозрачность'.

Отдельного изучения требует вопрос о том, как слова *čirý / čiry* встраиваются в рассмотренное выше противопоставление между 'незамутненностью' vs. 'светопрозрачностью'. Синхронно, судя по корпусным данным, *čirý / čiry* тяготеют к контекстам, выражающим способность пропускать свет. При этом в сочетании с существительными, называющими некоторые объекты жесткой структуры (скажем, 'стекло', 'хрусталь', но не 'тюль' или 'пакет'), обсуждаемые прилагательные выступают даже чаще, чем описанные ранее слова подзоны 'светопрозрачности' *průhledný / priehľadný* (напротив, к объектам типа 'тюль' или 'пакет' лексемы *čirý / čiry* почти не применяются). Возможно, в этой зоне сформируется дополнительное противопоставление, основанное на типе объекта, однако для более надежных выводов необходимо провести специальное исследование.

Нам здесь прежде всего важно обратить внимание на то, что когнаты оказываются в разных фреймах одного поля. Если исходить из того, что исходным для этого корня является значение беспримесности, то чешская и словацкая лексемы должны были подвергнуться семантическому сдвигу, который в итоге привел их в зону прозрачности. Было бы интересно проследить, чем мог быть мотивирован такой переход.

Как мы видели по данным польского, основная сфера применения лексемы *szczyry* – это драгоценные металлы. К этому же типу употреблений относятся и сочетания с лексемами, называющими другие ювелирные материалы, в частности, бриллианты. Но если польское сочетание *szczyry diament*, почти полностью вытесненное конструкцией с *czysty*, встречается в корпусе лишь изредка, то его чешский и словацкий аналоги, напротив, оказываются довольно частотными. Вероятно, именно употребления в отношении бриллиантов и послужили переходным звеном семантической эволюции в зону прозрачности.

Действительно, чистота бриллианта подразумевает отсутствие посторонних включений и тем самым высокую степень светопрозрачности. Соответственно, в сочетании с 'бриллиантом' лексемы *čirý / čiry* стали ассоциироваться не только с беспримесностью, но и с прозрачностью, что и позволило далее применять их к прозрачным объектам, для которых идея беспримесности не релевантна. Заметим, что такой путь семантической эволюции объясняет и синхронную сочетаемость рассматриваемых лексем. Как мы говорили, среди различных прозрачных объектов *čirý / čiry* «выбирают» прежде всего 'стекло' и 'хрусталь' – именно эти объекты по своим внешним характеристикам ближе всего к бриллиантам.

Поскольку синхронно беспримесность уже полностью вышла из «сферы покрытия» лексем *čirý / čiry*, можно было бы ожидать, что центральные фреймы нашего поля – 'отсутствие грязи' и 'отсутствие примесей' – в чешском и словацком теперь «единолично» обслуживаются доминантной лексемой *čistý*. Но это не так.

Для фрейма 'беспримесность' в этих языках обнаруживается еще одна лексема, ср. чешск. *ryzí*, словацк. *rýdzi*. Этимология этих слов однозначно указывает на то, что исходным для них было значение цвета (ср. русск. *рыжий*, польск. *rdza* 'ржавчина'). В чешском и словацком семантика цвета полностью утрачена, хотя в словаре SSJČ (1960-1971) это значение еще фиксировалось как устаревшее.

На синхронном уровне основным для *ryzí* / *rýdzi* является значение беспримесности, а реализуется оно в сочетании с наименованиями металлов. По всей вероятности, основанием для перехода здесь послужило представление о цвете «правильного», беспримесного металла (возможно, золота): рыжий цвет ассоциировался с отсутствием в металле посторонних веществ. В результате именно идея беспримесности стала центральной для семантики прилагательных *ryzí* / *rýdzi*, так что они распространились на чистые металлы, цвет которых уже далек от рыжины, ср. *ryzí stříbro* / *rýdze striebro* 'чистое серебро' или *ryzí* / *rydza platina* 'чистая платина'. Синхронно сочетания с лексемами *ryzí* / *rýdzi* в большей степени характерны для наименований драгоценных металлов – с ними *ryzí* / *rýdzi* употребляется чаще, чем доминантное *čistý* (ср. в чешском 4070 коллокаций *ryzí zlato* против 1260 *čisté zlato*). В случае 'металла' или 'меди' преобладают конструкции с *čistý*.

Итак, языки западной подгруппы обнаруживают наиболее значительные отличия на общеславянском фоне: только здесь наблюдаются отклонения от доминантной системы, затрагивающие один из центральных фреймов – 'беспримесность'. Правда, специализированные прилагательные, обслуживающие часть этого фрейма, во всех языках функционируют наряду с доминантными, а в польском и вовсе вытесняются им. Тем не менее наличие этих слов определяет важное структурное отличие западнославянских систем от прочих славянских.

6 Заключение

В целом анализ славянских языков в зоне 'чистый' выявил значительное сходство этих фрагментов лексических систем между собой. Все рассмотренные языки используют доминантное прилагательное, способное покрывать все фреймы поля, причем в качестве доминанты во всех системах функционирует этимологически общее слово. Сходство проявляется и в выделении специальными лексемами фреймов 'безоблачность' и 'прозрачность'.

Различия между славянскими языками затрагивают скорее периферийные аспекты организации поля. В частности, в подзоне 'прозрачность' южно- и западнославянские языки, в отличие от восточнославянских, проводят лексическую границу между 'незамутненностью' (ср. 'прозрачная вода') и способностью пропускать свет (ср. 'прозрачная занавеска'). Кроме того, западнославянские системы, в отличие от прочих, задействуют специальные прилагательные для фрагмента фрейма 'беспримесность' ('чистое золото / серебро').

Названные различия занимают довольно скромное место в общем пространстве типологических возможностей для поля 'чистый'. Действительно, среди славянских вовсе не представлена, например, дистрибутивная стратегия лексикализации поля, т.е. строгое противопоставление между отсутствием грязи и беспримесностью. Языки западной подгруппы до некоторой степени приближаются к дистрибутивной модели, но все же они – наряду с остальными славянскими – относятся к доминантному типу: основная лексема здесь распространяется на оба центральных фрейма, а прилагательное для 'беспримесности' характеризуется узкой семантикой и занимает периферийное положение в системе в целом.

Столь незначительная степень различий скорее удивительна с точки зрения результатов, полученных в предшествующих работах сходной тематики. До сих пор типологические исследования лексики родственных языков, напротив, неоднократно показывали, что внутри одной генетической группы обнаруживаются все те типы систем и противопоставлений, которые засвидетельствованы в широкой типологической перспективе. Можно было бы предположить, что полю 'чистый' – в сравнении с другими семантическими зонами – свойственна высокая стабильность в языке: системы в зоне 'чистый' с течением времени претерпевают лишь незначительные изменения – этим и обусловлено их сходство в родственных языках. Интересно, однако, что лексема 'чистый' не входит ни в 100-словный, ни даже в 200-словный список базовой лексики Сводеша. Так или иначе, гипотеза о стабильности поля 'чистый' требует проверки на материале других языковых групп.

Итак, при взгляде «извне» славянские системы кажутся скорее сходными по своему устройству. Вместе с тем «изнутри», как мы видели, наибольшими отличиями характеризуются западные языки: только в них наблюдается некоторое сближение с дистрибутивной стратегией лексикализации поля. При этом речь идет даже не столько о конкретной лексеме, за счет которой системы проявляют признаки дистрибутивности, сколько именно о модели, поскольку в польском и чешском она реализуется этимологически разными лексическими средствами. Польский, по-видимому, сохранил более старый способ кодирования семантики 'беспримесности', в чешском же модель обновилась за счет лексемы, пришедшей из другого семантического поля – цветообозначений. Как кажется, такая устойчивость модели, ее склонность к возобновлению должны иметь под собой некоторое основание.

Мы предполагаем, что специфика западнославянских языков может объясняться ареальным влиянием. Хорошо известно, что лексика языков этой подгруппы (в частности, чешского и польского) характеризуется многочисленными заимствованиями из немецкого, а также калькированием семантических переходов, ср. чешск. *běžet* как 'работать (о машинах)' по образцу немецкого *laufen* (Скорвид 2005). В нашем случае влияние проявляется на уровне абстрактной модели: в немецком, как и в ряде других германских языков, засвидетельствован дистрибутивный тип системы в зоне 'чистый', ср. *sauber* 'чистый (без грязи)' vs. *rein*

'чистый (без примесей)'. По-видимому, этой германской моделью и объясняется необычная на общеславянском фоне стратегия лексикализации поля в языках западной подгруппы.

Завершая обзор славянских систем, обратим внимание на то, что этот материал – возможно, как раз в силу пока еще значительного межъязыкового сходства – наглядно иллюстрирует механизмы лексического расхождения родственных языков. Каждый раз, когда данные позволяли нам восстановить возможные пути эволюции системы, мы наблюдали один и тот же принцип изменений: в той или иной подзоне поля возникает дополнительное лексическое противопоставление за счет лексемы, приходящей из другого семантического поля (как в случае словенского *bister* или чешского *ryzí*) или из другой подзоны того же поля (как чешский *čirý*). Такая лексема употребляется сначала в контекстах, в которых исходное свойство имплицитно подразумевает другое за счет смежности двух ситуаций. Так, *bister* выступает в сочетании с наименованиями водных потоков, и в таком контексте исходная идея высокой скорости ассоциируется с прозрачностью. *Ryzí* применяется к металлам, рыжий цвет которых свидетельствует о беспримесности. *Čirý* описывает беспримесность материалов, подразумевающих хорошую светопрозрачность.

Далее второе – имплицитное – свойство становится настолько значимым для семантики прилагательных, что они начинают употребляться в ситуациях, для которых первый признак уже нерелевантен (ср. соответственно, 'прозрачное озеро', в котором вода не движется и не обладает скоростью; 'чистое серебро', не предполагающее рыжий цвет; 'прозрачное стекло', для которого не значимо отсутствие примесей). В результате первое значение полностью утрачивается, так что восстановить его можно уже только на этимологическом уровне.

Описанный тип перехода не вполне обычен с точки зрения традиционных представлений о метонимических и метафорических процессах в лексике. С одной стороны, рассмотренные сдвиги не укладываются в определение метафоры, поскольку не предполагают проекции: прозрачность явно не осмысливается в категориях скорости. С другой стороны, несмотря на смежность как основу переноса, перед нами и не обычная метонимия: эти сдвиги нарушают границы семантических полей.

Между тем, очень близкие процессы описываются в связи с явлением грамматикализации. Становлению нового грамматического значения обычно предшествует стадия, при которой это значение совмещено в одном контексте с более ранним значением (ср., например, о развитии причинной семантики у временного *since* в Traugott, König 1991). Аналогичные процессы в лексике применительно к русскому материалу рассматривались в Рахилина и др. 2010. Данные родственных языков позволяют существенно расширить наши представления о масштабах этого явления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Thanasis GEORGAKOPOULOS, Stéphane POLIS, 2018: The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research. *Language & Linguistics Compass* 12/2. 1–33.
- Maria KOPTJEVSKAJA-TAMM, Ekaterina RAKHILINA, Martine VANHOVE, 2015: The semantics of lexical typology. *The Routledge Handbook of Semantics*. Ed. N. Riemer. Oxford: Routledge. 434–54.
- Maria KOPTJEVSKAJA-TAMM, in press: Talking temperature with close relatives: semantic systems across Slavic languages. *The typology of physical qualities*. Eds. E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Asifa MAJID, Marianne GULLBERG, Mirjam VAN STADEN, Melissa BOWERMAN, 2007: How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages. *Cognitive Linguistics* 18/2. 179–94.
- Asifa MAJID, Fiona M. JORDAN, Michael DUNN, 2015: Semantic systems in closely related languages. *Language Sciences* 49. 1–18.
- Sketch Engine. [В сети](#).
- SSJČ 1960-1971. Slovník spisovného jazyka českého. [В сети](#).
- Elizabeth C. TRAUOGOTT, Ekkehard KÖNIG, 1991: The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. *Approaches to grammaticalization*. Vol. 1. Eds. E. C. Traugott, V. Heine. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 189–218.
- Тимофей А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Мария Г. ТАГАБИЛЕВА, Лилия С. ХОЛКИНА, 2011. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 7/3. 257–60.
- [Timofej A. ARHANGEL'SKIJ, Marija G. TAGABILEVA, Lilija S. HOLKINA, 2011. Kačestvennye priznaki 'čistyj', 'grjaznyj', 'prozračnyj', 'mutnyj': k postroeniju semantičeskoj tipologii. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskich issledovanij RAN* 7/3. 257–60]
- Виктор М. Брицын, Екатерина В. Рахилина, Татьяна И. Резникова, Галина М. Яворская (ред.), 2009: *Концепт боль в типологическом освещении*. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго.
- [Viktor M. BRICYN, Ekaterina V. RAKHILINA, Tat'jana I. REZNIKOVA, Galina M. JAVORSKAJA (red.), 2009: *Koncept bol' v tipologičeskom osveščeenii*. Kiev: Vidavničij dim Dmitra Burago]
- Любовь П. Дронова, Юлия А. Готлан, 2013: Особенности концептуализации представления о чистоте в английском и немецком языках. *Вестник Томского государственного университета* 368. 7–10.
- [Ljubov' P. DRONOVA, Julija A. GOTLAN, 2013: Osobennosti konceptualizacii predstavlenija o čistote v anglijskom i nemeckom jazykah. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 368. 7–10]
- Егор В. Кашкин, 2013: *Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках)*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

- [Egor V. KAŠKIN, 2013: *Jazykovaja kategorizacija faktury poverhnostej (tipologičeskoe issledovanie naimenovaniј kačestvennyh priznakov v ural'skih jazykah)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MGU im. M.V. Lomonosova]
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [В сети](#).
- [NKRJa: Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. [V seti.](#)]
- Виктория М. ПЕЧНИКОВА, 2017: Прилагательные семантических зон 'чистый' и 'грязный': типология прямых и переносных значений. *Проблемы компьютерной лингвистики и типологии: Сборник научных трудов* 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ. 85–97.
- [Viktorija M. PEČNIKOVA, 2017: Prilagatel'nye semantičeskikh zon 'čistyj' i 'grjaznyj': tipologija prjamyh i perenosnyh značenij. *Problemy komp'juternoj lingvistiki i tipologii: Sbornik naučnyh trudov* 6. Voronež: Izdatel'skij dom VGU. 85–97]
- Екатерина В. РАХИЛИНА, Ирина А. ПРОКОФЬЕВА, 2004: Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения. *Вопросы языкознания* 1. 60–78.
- [Ekaterina V. RAHILINA, Irina A. PROKOF'JEVA, 2004: Rodstvennyje jazyki kak ob'ekt leksičeskoj tipologii: russkie i pol'skie glagoly vraščeniја. *Voprosy jazykoznanija* 1. 60–78]
- Екатерина В. РАХИЛИНА, Татьяна И. РЕЗНИКОВА, Ольга С. КАРПОВА, 2010: Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафоры, метонимия и ребрендинг. *Лингвистика конструкций*. Ред. Е. В. Рахилина. Москва: Азбуковик. 398–455.
- [Ekaterina V. RAHILINA, Tat'jana I. REZNIKOVA, Ol'ga S. KARPOVA, 2010: Semantičeskije perehody v atributivnyh konstrukcijah: metafory, metonimija i rebrending. *Lingvistika konstrukcij*. Red. E. V. Rahilina. Moskva: Azbukovik. 398–455]
- Екатерина В. РАХИЛИНА, Татьяна И. РЕЗНИКОВА, 2013: Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания* 2. 3–31.
- [Ekaterina V. RAHILINA, Tat'jana I. REZNIKOVA, 2013: Frejmovyj podhod k leksičeskoj tipologii. *Voprosy jazykoznanija* 2. 3–31]
- Наталья А. СЕРГИЕНКО, 2006: *Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификатором «чистый/грязный» и «clean/dirty» (по материалам лексикографии)*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- [Natal'ja A. SERGIENKO, 2006: *Sopostavitel'noe issledovanie leksiko-semantičeskikh grupp prilagatel'nyh s identifikatorom «čistyj/grjaznyj» i «clean/dirty» (po materialam leksikografii)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg]
- Сергей С. СКОРВИД, 2005: Чешский язык. *Языки мира: Славянские языки*. Ред. А. М. Молдован, С. С. Скорвид и др. Москва: Academia.
- [Sergej S. SKORVID, 2005: Češskij jazyk. *Jazyki mira: Slavjanskije jazyki*. Red. A. M. Moldovan, S. S. Skorvid i dr. Moskva: Academia]
- Светлана М. ТОЛСТАЯ, 2008: *Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик.
- [Svetlana M. TOLSTAJA, 2008: *Prostranstvo slova: Leksičeskaja semantika v obščeslavjanskoj perspektive*. Moskva: Indrik.]
- Макс ФАСМЕР, 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т., пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 2-е изд., стер. Москва: Прогресс.

[Max VASMER, 1986–1987: *Ètimologičeskij slovar' ruskogo jazyka*. V 4 t., per. s nem. i dop. O. N. Trubačeva, 2-e izd., ster. Moskva: Progress]

POVZETEK

Prispevek primerjalno analizira pridevnike, ki v slovanskih jezikih izražajo pomensko polje 'čist'. To pomensko polje je povezano tudi s pomenskima poljema 'prozoren, bister' in 'jasen'. Analiza se opira na metodo raziskovanja leksikalne tipologije s pomočjo t. i. »pomenskih okvirov« (*semantic frames*). Izhodiščna enota te metode je t. i. pomenski okvir (*frame*), v konkretnem prispevku je to prototipska situacija, za katero je značilna lastnost fizične čistosti.

Čeprav tipološke raziskave besedja znotraj iste jezikovne družine navadno poudarjajo bistvene razlike med sorodnimi jeziki, so si pri izražanju čistosti slovanski jeziki precej podobni. Imajo namreč dominantni leksem, ki lahko prekriva vse prototipske situacije (t. i. okvire) polja čistosti. Pri tem imajo vodilno vlogo pridevniki, ki izhajajo iz istega praslovanskega korena.

Razhajanja med slovanskimi jeziki se nanašajo zgolj na obrobne dele omenjenega pomenskega polja. V južnih in zahodnoslovanskih jezikih (ne pa v vzhodnoslovanskih jezikih) se ločujeta dva pomenska okvira 'bistrot' in 'prozornost, sposobnost prepuščanja svetlobe', npr. slvn. *bistra juha* vs. *prozorno steklo*; rušč. *прозрачный бульон, прозрачное стекло*. V zahodnoslovanskih jezikih je izpostavljen tudi pomenski okvir 'čist, brez primesi' in to jih povezuje z jeziki, ki imajo distributivno strategijo leksikalizacije polja čistosti, to posebej velja za germanske jezike. Posebnosti, ki jih posamezni slovanski jeziki izkazujejo, nam dajejo jasno predstavo o mehanizmih leksikalnih razhajanj med sorodnimi jeziki.